

О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДИХОТОМИЯ «БОГ» – «ДЬЯВОЛ» В РУСИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ (НА СЛАВЯНСКОМ ФОНЕ)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01062, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Анализируются фразеологизмы и паремии русинского языка, извлеченные приемом сплошной выборки из лексикографических источников. Выделены семантические доминанты с компонентами «Бог» и «дьявол», названы наиболее представленные из них в русинской фразеологии и паремиологии. Установлено, что специфика русинской фразеологии и паремиологии при сопоставлении с аналогичной украинской и русской проявляется в основном в форме единиц, а не в их содержании, отражающем, как правило, универсальные паремиологические идеи и дидактические рекомендации.

Ключевые слова: паремиология; фразеология; пословица; русинские пословицы; концепт «Бог»; концепт «дьявол».

Универсальная для христиан оппозиция «Бог» – «Дьявол» имеет в разных культурах и языках свою специфику. Особенно это характерно для языков, бережно сохраняющих традиции народной культуры и отражающих сложный симбиоз христианских и дохристианских верований. Религиозность является одной из отличительных черт славянских народов, что дает основание говорить о существовании религиозной картины мира как фрагмента языковой картины мира. В соответствии с христианским видением Бог служит олицетворением света, блага и добра, а дьявол отождествляется с тьмой.

Славянские языки в разной степени, но весьма последовательно отражают симбиоз язычества и христианства, следы которого отражены в их фразеологии и паремиологии.

Методологической базой данного исследования служат работы, посвященные изучению обозначенной дихотомии в русском (М.А. Бредис, О.В. Гневэк, Е.И. Коряковцева, Т.Г. Крапотина, В.М. Мокиенко, О.Ю. Печёнкина, Н.И. Толстой, Н.В. Шведова и др.) и украинском (В.В. Жайворонок, Н.В. Шведова) языках. В качестве основного метода исследования используется сравнительно-сопоставительный метод с привлечением историко-этимологического анализа, использованный в наших предыдущих статьях [1–3].

Особенно детально в русистике изучена фразеология и паремиология с компонентом *Бог*. Таковы статьи О.В. Гневэк об изменениях семантики этого слова [4], Т.Г. Крапотининой о сокровенных значениях имени Бог в русской фразеологии [5] или заметки об отдельных фразеологизмах с этим компонентом [6, 7]. Интересна попытка создать сводный словарь фразеологизмов с компонентом «Бог» [8]: всего составителем выявлена 231 фразеологическая единица (ФЕ) с обозначенным компонентом, отдельно дана грамматическая характеристика, выявлено 4 основных семантико-грамматических класса (предметные и местоименные – по 21 ФЕ, модальных – 68, процессуальных – 98).

Демонологическому началу посвящены работы Н.И. Толстого, который считал народную этимологию важным звеном архаической славянской духовной культуры, которая «относится к давним дохристианским воззрениям, к эпохе язычества, которое в не-

сколько видоизмененных формах продолжало существовать в жизни народной, уживаясь часто с христианством, прежде всего с бытовым христианством, либо противопоставляясь ему, как мир “преисподней”, или часть мира земного миру небесному» [9. С. 288].

Фразеологические единицы с компонентом «чёрт» были описаны Н.В. Шведовой (2009) в одноименном словаре. Из 187 выявленных ФЕ 28 ФЕ – предметные, 59 – процессуальные, 40 – модальные, 60 – других классов [10].

В ряде работ отмечена взаимосвязь религиозной и языковой картины мира, представлена роль религиозных элементов в становлении языка. Т.Е. Владимирова на примере русских пословиц показывает этапы обретения религиозности русским народом: 1) натуралистически-родовой пласт пословиц, восходящих к язычеству; 2) каритативный пласт пословиц, представляющих систему ценностей после принятия Русью христианства; 3) ритуалистический пласт, включающий пословицы, отражающие силу веры в Бога [11. С. 69–74]. М.М. Голикова говорит о ценности исследования теонимических и демонимических лексем: «религиозные доминанты были особенно актуальны на ранних периодах становления языка», демонстрируя архаичность этих слов и их роль при фразеобразовании [12. С. 87].

Для русин эти религиозные доминанты были также значимы уже с ранних этапов становления их региональной языковой системы, которая, естественно, была неотъемлемой частью общевосточнославянского языкового ареала.

В работах сравнительно-сопоставительного характера авторы, анализируя уровень религиозности народа, роль церкви в обществе, отмечают влияние христианской религии на формирование фразеологического и паремиологического фонда (М.А. Бредис, М.М. Голикова, А. Пеянович и др.). М.А. Бредис, рассматривая русские, латышские, латгальские, литовские, немецкие и английские пословицы, объясняет общее для носителей этих языков негативное отношение к деньгам христианской традицией, характерной для упомянутых народов [13. С. 70]. Напротив, М.М. Голикова, анализируя фразеологию с компонен-

тами-теонимами и деонимами в русском и польском языках, обращает внимание на различия, связанные с разным временем принятия христианства и более ярким проявлением языческих черт в этих славянских языках. Различны номинации демонологического круга в польском языке: *diabeł, lichy, czort, cholera*, что говорит о детализации потустороннего мира, демонстрации его внутренней иерархии, свидетельствует «о более высокой боязни носителей языка перед мистическими образами». Отличается и функционирование фразеологических ресурсов с описываемыми компонентами: в польском языке эти единицы используются чаще, чем в русском. «При этом если русская фразеология делает ведущими антагонистами *Бога* и *черта*, то польская – *Бога* и *дьявола*, что более точно иллюстрирует евангельские сюжеты» [12. С. 88].

Подобные языковые факты в какой-то мере демонстрируют общее движение славянской лексики и фразеологии от языческого политеизма к монотеизму, и в то же время – от политеизма к полифразеологизации [14], что предопределяет необходимость учета исторических факторов, связанных с принятием христианства.

Изучение пословиц теологического и демонологического круга того или иного языка должно опираться на исторические данные, свидетельствующие о вероисповедании народа. По словам русинского филолога и историка Д. Попа, «словянское население Подкарпатя одним из первых из славянских народов Центральной и Восточной Европы познакомилось с христианством» [15. С. 16]. С.Г. Суляк разделяет процесс принятия христианства предками русинов на три этапа. Первый – с I по VIII в., когда славяне, анты, а позже племена уличей и тиверцев контактировали на северо-западе Причерноморья с античным миром. Второй этап – вторая половина IX в., период миссионерской деятельности Кирилла и Мефодия в Великой Моравии, что повлияло и на население Карпато-Днестровской Руси. Третий этап связан с Крещением Руси, это время массового перехода «в христианство населения Карпато-Днестровских земель, вошедших в состав Древнерусского государства» [16. С. 269].

Объем понятия *русинский язык* нами уже характеризовался в серии наших предварительных статей [1–3]. При интерпретации этого понятия мы следуем за наиболее авторитетным источником, признавая концепцию знатока проблемы микроязыков Славии А.Д. Дуличенко [17. С. 177–188]. Известно, что лингвистическое исследование (Под)карпатской Руси (устар. Угорская Русь) ведется уже не менее двух столетий и вызывает противоречивые реакции, во многом обусловленные конкретной политической конъюнктурой. «Языковой массив, известный под названием карпаторусинские говоры, шире – карпатские говоры юго-западного наречия украинского языка, издавна характеризуется прерывностью, – подчеркивает А.Д. Дуличенко, – с одной стороны, это (Под)карпатская Русь с ее изначально и позднее заселенными районами, а другой стороны, это переселенческие дисперсии – с XVIII в.» [Там же. С. 177]. Не претендуя в нашей статье на отражение всего ареального разнообразия форм бытования русинского языка

в разных странах Восточной Европы, мы здесь следуем за определением ареальных границ русинского языка в его подкарпаторусинской форме, т.е. так, как это определяет сам автор русинских словарей, обстоятельно демонстрирующий историческую преемственность и эволюцию понятия *русинский язык* [18. С. 31–49].

При усиленном внимании славистов к исследованию русинского языка некоторые аспекты остаются мало изученными. Одна из актуальных проблем – лингвокультурологическая интерпретация русинской фразеологии и паремииологии на славянском фоне. Авторы статьи предлагают именно такой ракурс исследования. Впервые для русинологии здесь предлагается сопоставительный анализ одной из важнейших лингвокультурологических оппозиций – концептуальная мифологическая дихотомия «Бог» – «дьявол». Такой анализ выявляет как общие для восточнославянского ареала характеристики избранных мифологем в составе фразеологии, так и специфично русинские, лингвокультурологично маркированные особенности.

Цель нашей статьи – семантический анализ концептов «Бог» и «Дьявол» на материале русинского языка, который, как и другие восточнославянские языки, относится именно к таким древним «отражателям» общего процесса движения от политеизма к монотеизму и названной оппозиции.

Материалом исследования послужили лексикографические источники (Н.В. Шведова «Словарь фразеологизмов с компонентом “Бог”», Н.В. Шведова «Словарь фразеологизмов с компонентом “чёрт”»; В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева «Большой словарь русских пословиц»; Д. Поп «Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари» [8, 10, 22, 18]).

Концепт «Бог» – один из сложных как в философско-теологическом, так и в лингвистическом отношении. И философы, и теологи, и лингвокультурологи при этом находят и общие параметры определения этого концепта, обычно придавая им мифологическую или «ментальную» направленность.

Одним из общепринятых в славянской этнолингвистике определений является семантизация этого концепта, предложенная Н.И. Толстым в фундаментальной энциклопедии «Славянские древности»:

БОГ (о.-слав. *Bogъ, исконное или заимствованное из иранского; вероятное первоначальное значение – “наделяющий благом, богатством”) – в книжно-церковной традиции верховная сущность, обладающая высшим разумом, абсолютным совершенством и всемогуществом, Творец неба и земли, Промыслитель Вселенной, начало изначальное, вечное, духовное и бесплотное. В народной традиции Б. обычно выступает во плоти – в виде старца с бородой, живущего на небе (в большом дворце, на тропе и т.п.), но нередко ходящего по земле в одиночку в виде странника, нищего и т.п. или в сопровождении святых. Б. способен при этом перевоплощаться или исчезать, подобно другой сверхъестественной силе, в том числе нечистой. Б., начальствующий над **ангелами**, вместе со святыми противостоит роду сатанинскому, прежде

всего **бесам, чертям** и всей нечистой силе. С ними Б. соперничает в делах мирских и человеческих и борется различными способами (ударом грома и т. п.)» [19. С. 202–203].

Далее Н.И. Толстой подчеркивает дуалистический характер представления о Боге в народной религии славян, согласно которому небо принадлежит Богу, а земля – дьяволу, правая сторона – Богу, а левая – дьяволу и т.д. Славянское слово *бог* в диалектах могло стать и обозначением персонажей нечистой силы (напр., вроде серб, банат. *бог из воде* 'черт', употребляемо в ругательствах или укр. *подол, богиня* 'злой дух, обменивающий младенцев'). Бог бессмертен и потому в народно-мифологическом восприятии противопоставлен человеку, который после смерти отдает Богу свою душу (ср. рус. *Богу душу отдать* 'умереть'). Бог обитает на небе, а человек (люди) – на земле, отсюда оппозиция «Небесный – земной» и «Верхний – нижний».

По славянским представлениям, Бог предохраняет от беды, предотвращает от греха, исцеляет больных, калек, немых, спасает утопленников, мучеников, защищает от огня, совершает чудеса, распределяет роли среди святых, наделяет людей богатством и т.д. Имя Бога часто употреблялось в клятвах и проклятиях ср. их обозначение словом *божба*.

Близки к этому лингвокультурологические толкования концепта *Бог* в «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова и его соавторов:

«**Бог** – верховное существо, стоящее над миром, творец и предвечный вседержитель всего живого и в нем пребывающий лик бесконечной **совести**. Отмечен чертами **безначальности** и **бесконечности**, отсутствием границ и пределов; высшее триединство в Троице; абсолютно свободная личность, бесконечная сила (самопричина всего), совершенный разум и безграничная любовь. Последовательность развития **смысла**: дающий (**жизнь**), наделяющий духовными и душевными **сокровищами**, вселяющий **веру**, пробуждающий **надежду**, рождающий **любовь к ближнему**, которая проявляется в **сострадании, милосердии**, в стремлении следовать нравственным **заповедям**. В нем все **начала** и **концы** («всё от Бога»), все совершается с его **ведома** и по его **воле** («не по нашему хотению, по Божьему изволению»); он **всемогущ** («все под Богом ходим»), может **помиловать, спасти, простить** погрешение; к нему обращены **мольбы** («избави Бог!») и **благодарности** («слава Богу!», «спаси Бог!»)» [20. С. 53–54].

Как и в «Славянских древностях», в «ментальной» характеристике Бога М.М. Пришвиным подчеркивается его оппозиция к нечистой силе как носительнице абсолютного зла: «Бог – это всё, что есть, а чёрт – всё, что кажется. Бог – это образ сущего, черт – образ ничто, Бог – правда, черт – обман... Несчастье приводит к Богу, в счастье Бог не является» (цит. по: [20. С. 54]). Приведенные толкования во многом универсальны и, естественно, приложимы к характеристике соответствующей фразеологии и паремиологии всех славянских и – шире – европейских языков, испытавших влияние христианской культуры.

Опираясь на данные словаря «Славянские древности», выделим семантические доминанты концепта «Бог», которые нашли активное отражение в русинской фразеологии и паремиологии.

1. Бог – наделяющий, оделяющий, дающий (10).

Эта функция Всевышнего находит отражение во многих паремиях, достаточно активно представленных и в украинских и русских параллелях, зарегистрированных Д. Попом.

Объектом «оделения» в первую очередь являются материальные блага, без которых невозможно человеческое существование: *Дасть Бог динь, дасть и пожиток ачинь; Боже, кидь'ись ми дав зубы, та дай и хліба; Што Бог дасть, то то не напасть; Най вам Бог заплатить*.

Не менее ценным «Божьим даром», конечно же, является здоровье, ментальные способности человека: *Дав бы тти Бог здбрівлічко; Най вам Бог сохташ піддержити; Дай, Боже, памяти*.

От Бога зависит как рождение, так и кончина человеческая: *Кого наішто Бог дав; Най з Богом спочивать; Бог дай бы сконов*.

2. Бог – милосердный и справедливый (12): *Правду кажутъ люди, як Бог дасть, так и буде; Бог не йде палицьов бити; Кого Бог бє, того и чорт морить; Бог судить лем того, ко вразить дакого; Дубрі тому, ко вірує в Бога; Дав Бог Юря, не замерзне куря; Кого Богови не треба, того и чорт не бере; Не каждый богатый у Бога приятый; Пяного и Бог сокотить; Пяному и Христос ся уdstупив; Гріх уд Бога (буде); Божый млин помалы меле*.

3. Бог – опора, поддержка в трудностях (но обычно – тем, кто и сам действует) (10 единиц): *Змыгайся, небоже, и Бог ти поможе; И Бог не годеи каждому вводити; Ко ся змыгать, тому и Бог помыгать; Ко рано встає, тому Бог дає; Роби, небоже, та тти й Бог поможе; Чоловік ся змыгать, та й Бог му помыгать; Май Бога при сьбі; На Бога уповай, но на Бога не нарікай; Богови божос, а кесарю кесарьово; Хвала Богу*.

4. Бог – спаситель, помощник (4): *Най вам Бог помыгать; Бідному и “Сятый Боже” не поможе; Най Бог заварує; Так ги Бог приказов*.

5. Бог – карающий, наказующий (2): *Ищи Божя рука на тя впаде – Бог тебе ще покарає – кара небесная на тебя упадет; Кого Бог хоче покарати, спершу удійме уд нього розум – кого Бог хоче скарати, тому розум відбере – кого Юпитер хочет наказать, того он лишает разум*

6. Бог – всеведающий, всезнающий (3): *А Бог го знає; Видить Бог з неба, што кому треба*.

Ряд паремий не входит в обозначенные группы (*Бог Тройцю любить; Не свічка стане сперед Богом, а стане душа; Ни Богу на хвалу, ни людьом на радість; И Бог не годеи каждому вводити*).

Таким образом, в русинском языке преобладают паремии, отражающие представление о Боге как милосердном и справедливом (12); наделяющем благами, дарующем жизнь, здоровье (10); как опоре и поддержке в трудностях (10). Хотя ФЕ и паремии с компонентом *Бог* как в русском, так и в украинском языках намного частотнее, чем в русинском, образ

Бога как духовного начала нации идентичен. В русинском языке отсутствует ряд предметных ФЕ (*олимпийский бог, лесной бог, бог и царь, бог войны и др.*), что, возможно, связано с укреплением христианской религии.

Обозревая столь необозримое концептуальное пространство, как *Бог* во фразеологии трех языков, мы, естественно, рассматриваем те межъязыковые эквиваленты, которые даются в словаре Д. Попа. Следует при этом заметить, что далеко не всегда предлагаемые русинским лесикографом межэквивалентные «триады» полностью объективируют картину фразеологических сходств и различий трех сопоставляемых языков. Стремление к определенной дифференциации, «абсолютизации» русинского на фоне украинского и русского иногда оставляет в стороне наличие прямого паремиологического сходства или даже тождества этой триады. Так, к русинской пословице *Ко рано встає, тому Бог дає* Д. Поп приводит украинский и русский паремиологические эквиваленты: укр. *Рання пташка росу п'є, а пізня слізки лє* – рус. *Ранняя птичка носок прочищает, а поздняя глазки процирает* [18]. Семантически они как эквиваленты, несомненно, равноположены русинской паремии. При этом, однако, в обоих восточнославянских языках есть и ее прямые тождества, которые, как кажется, было бы здесь привести уместнее. Не случайно Пазяк в своем собрании приводит не только давние фиксации украинской пословицы *Хто рано встає, тому Бог дає* с XIX в. и ее варианты *Хто рано встає, тому і Бог дає; Хто раненько встає, тому Бог щастя дає* и др., но и сопоставляет ее с тождественными русскими и белорусскими, также давно зафиксированными [21. С. 457]. И, действительно, в русском языке она известна давно и в варианте *Кто рано встает, тому и Бог дает*, и в более старом – *Кто рано встает, тому Бог подает* [22. С. 66]. Сравним близкую ситуацию с русинской пословицей *Змыгайся, небоже, и Бог ти поможе*, украинский и русский эквивалент которой Д. Поп предлагает в иной образной плоскости: *на Бога надійся, а сам не зівай – на Бога надейся, а сам не плошай* [18]. В украинских паремиологических источниках, однако, можно найти близкие ее варианты со словом *небоже*: *Роби, небоже, а Бог допоможе! Роби, небоже, то й Бог поможе; Роби, небоже, бо Бог не допоможе* [23. С. 298], где *небоже* имеет значение ‘нищий, бедняк’.

Справедливости ради надо отметить, что, когда в поле зрения Д. Попа попадают пословицы общеевропейской «дальнобойности», он приводит в качестве эквивалентов именно паремиологические тождества. Таков, например, паремиологический ряд *Божий млин помалы меле – Божий млин поволі меле – Божья мельница медленно мелет* [18]. Это явный европеизм, что убедительно показал еще М.И. Михельсон в соответствующей словарной статье своего собрания «Русская мысль и речь» [24. С. 62]: Cp. Gottes Mühlen mahlen langsam, mahlen aber trefflich klein Ob aus Langmuth er sich säumet, bringt mit Schärf er alles ein. Божьи мельницы тихо мелют, но отлично мелко. Хоть, по долготерпенью, медлит, Он строгостью все возмещает. Logau (1604–55). Sinnged. 1654. 3; 2,

24, Cp. Though the mills of God grind slowly, yet they grind exceeding small. Though with patience He stands waiting, with exactness grinds He all. Longfellow. Retribution (transl. Logau). Cp. Sero molunt deorum molaе. Поздно мелют мельницы богов. Sebast. Frank. 1541. Sprichwörter. 2, 119. Cp. ὥστε οὐχ ὀρώ τι χρήσιμον εἶναι, τοῖς ὅψε δὴ τοῦτοις ἀλεῖν λεγομένοις μύλοις τῶν θεῶν. Cp. Itaque non video, quid nam utilitatis insit, istis Deorum molis, quae sero dicuntur molere. Потому не вижу, какая польза в этих мельницах богов, о которых говорится, что они поздно мелют. Plutarchus in Commentario. Cp. Erasm. Adag. 4, 4, 82. Cp. Ὁψέ θεῶν ἀλέουσι μύλοι, ἀλέουσι δὲ λεπτά. Божьи мельницы мелют медленно, да мелко. Sextus Empiricus (190 по P.X.). Adversus mathematicos. 287.

Перейдем к характеристике демонологического ряда. В пятом томе упоминаемого нами словаря «Славянские древности» Е.Л. Березович и Л.Н. Виноградова дают следующую характеристику: «ЧЕРТ – центральный персонаж славянской (и европейской) мифологии, продукт взаимодействия церковно-книжных представлений о богопротивнике, носителя абсолютного зла, и архаичных народных верований о вредоносных духах, присутствующих в земном пространстве. В народной демонологии эта мифологема трактуется неоднозначно: как воплощение нечистой силы вообще и – как особый мифологический персонаж с индивидуальным набором признаков» [25. С. 519]. Далее исследователи называют способы номинации чёрта в славянских языках: лексема восходит к праслав. *сыгъ, связанному с глаголами сыгъти, сыго – ‘рубить, резать, отделять’. Во всех славянских языках зафиксированы слова *бес, дьявол, сатана*, нередко выступающие синонимами *чёрта*, «но в их значениях обычно сильнее проявлен компонент “противник Бога”» [Там же].

Лингвокультурологические толкования демонологических концептов в «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова и его соавторов схожи, а также носят характер уточнения, которое достигается путем фразеологической вербализации.

«Чёрт – мифический персонаж как олицетворение **обмана**, влекущего за собой череду непонятных и запутанных, всегда неприятных и даже вредных **явлений**, что не поддается **объяснению** здравым **рассудком**, выводит **человека** из себя или кажется ему опасным.

Ч. предстает в полужверинном-получеловеческом, **облике**; он силен, его **сила** разрушительна, направлена в неверное русло (*нечистая сила*), но еще чаще черт пугает («черт попутал»), сбивает человека с избранного верного **пути**, заставляя поступать вопреки осмысленному **суждению**, черт сопровождает человека в его **деяниях** и **поступках**, пытаясь подчинить **волю** и **разум** своей, нечеловеческой, логике, поэтому черт в представлении человека выступает **хозяином** всей **области событий** и **предметов**, которые не могут быть ни исчислены, ни ведомы человеку, ни познаны им (*до черта много, чертова дюжина, ни черта не знает*, «одному черту известно», «сам черт не разберет»). Черт не глуп, но весь его **ум**

выражается в **кознях**, игривости (*чертенята в глазах*) и беспрестанных **хитростях**, которыми он испытывает человека, досаждая ему (*чертыхаться*), путая его (*бес*), вселяя в **душу злобу (враг)**. Черта можно обнаружить либо по оставленным им разрушительным **следам**, либо в **состоянии**, выходящем за **пределы** нормального и естественного (*допиться до чертиков*); действия черта непредсказуемы, непредвиденны и неожиданны («в него черт вселился») [26. С. 486–487].

Известно, что выявление семантических доминант во фразеологии возможно в двух аспектах: синхронном и диахроническом. Первый аспект предполагает группировку единиц по тематическому или синонимическому принципу на основе переносной семантики этих языковых единиц. В этом случае фразеологические группы распределяются по принципу семантического поля. Диахронический же аспект диктует классификацию материала по символической семантике, заложенной в их внутренней форме. В нашем случае речь идёт о мифологической семантике демонического персонажа, активно отраженной в русинской фразеологии. Отсюда – возможность установления основных семантических групп с опорой на типы олицетворения, представленные в соответствующих фразеологизмах. Эти типы в целом совпадают с лингвокультурологическими признаками, выявленными в «Словаре славянских древностей» (под ред. Н.И. Толстого и С.М. Толстой), но имеют и свою собственно русинскую специфику.

Рассмотрим основные семантические группы, представленные в русинской фразеологии и паремииологии:

1. Чёрт как олицетворение злого, сверхъестественного начала: *Бойтись, ги чорт ладана*.

2. Карающий, служит олицетворением злого начала: *Кого Бог бс, того и чорт морить; Кого Богови не треба, того и чорт не бере*.

3. Страшное сверхъестественное существо с рогами, хвостом, копытами: *Гадав имити Бога за ноги, а имив чорта за хвѣст; Богатый, ги чорт рогатый*.

4. Злой человек: *позерати ги фрас*.

Паремииологические сопоставления единиц с компонентом «чёрт», предложенные Д. Попом, можно релятивизировать, как выше это делалось для пословиц с компонентом *Бог*. Относительно простой случай – триада рус. *Богатый, что черт рогатый* – русин. *Богатый, ги чорт рогатый* – укр. *Багатий, як біс рогатий* [19]. Об общности, а не дифференциальности русинского и украинского члена этой триады свидетельствует наличие укр. *Багатий, як чорт рогатий*, зафиксированного в украинских сборниках пословиц, а также в белорусском языке [22. С. 216]. Еще бо́льшую ареальную «дальнобойность» обнаруживает триада рус. *Боятся, как черт ладана* – русин. *бойтись, ги чорт ладана* – укр. *боїться, наче чорт ладану* [19]. Вот лишь некоторые ее общеевропейские проекции в различных лексических вариантах: бел. *баяцца как чорт ладану, баяцца як чорт крыжы (хреста), баяцца як чорт (д'ябал) свяцонай вады, уцякаць як чорт од свяцонай вады, баяцца як чорт папа (Хрыста)*, укр. *боятися як чорт ладану, жахатися як*

чорт хреста, втікати як чорт від свяченої води, лемк. боятися як чорт сяченуї води, в.-л. *zďalować kaŹ čert swjateho křiŹa, čěkać kaŹ čert pred swjatym křiŹom, čeríc kaŹ čert před sdwjacenej wodu*, болг. *страхува се като дявол от тамян, х/с bojati se (čuvati se) kao vrag tamjana, bjeŹati kao vrag od tamjana (od svete vodice), bjeŹeti kao đavo od krsta, mrziti kao đavo krst*; нем. *fürchten wie der Teufel daas Weihwasser* и т.д. Как видим, структурно-семантическая модель здесь «работает» активно, доказывая общеевропейскую мифологическую преемственность русинской фразеологии. Кроме того, в количественном отношении группа единиц демонологической семантики в русинском языке немногочисленна, это отражает общую славянскую традицию: Н.В. Шведова приводит 187 единиц с компонентом *чѣрт* против 231 с компонентом *Бог*. Н.В. Шведова объясняет это тем фактом, «что само упоминание о дьяволе являлось грехом, поэтому люди и старались избегать в своей речи этих слов [10. С. 5].

В восточнославянских языках номинации нечистой силы во многом совпадают: *чѣрт* – *бес*, однако в русинском встречается номинация *фрас*, в украинском – *дідька*. Слово *фрас* при этом является специфичным для русинского языка и отражает ареальное «австро-венгерское» языковое взаимодействие. Особо активно и частотно это наименование чѣрта в словацком языке, где оно, по-видимому, заимствовано из венгерского *frász*, являющегося, в свою очередь, германизмом – ср. нем. *Frais[en]* ‘падучая болель, вызываемая злым демоном [27. С. 146]. Приведем обороты, зафиксированные в словацких диалектах (обычно – в ругательствах и проклятиях): *Aby to fraz lapiu aj s takou robotou!; Nach te fras tríme!; Bodať ce fraz ulapil!; Fraz ho ilapi!* и т.д. [28. С. 459]. Активно употребляется это обозначение черта и в литературном словацком языке: *Aby ta fras vŹal!* – Чѣрт бы тебя побрал!; *Do frasa!* – Вот чѣрт!; Чѣрт побери!; К чѣрту!; *Ký fras, kieho frasa!* – кой чѣрт, за каким чѣртом!; *Na kieho frasa!* – на кой чѣрт! [29. С. 533].

Русинские выражения с этим компонентом практически воспроизводят словацкую модель: *Фрас го знае; Де тя фрас носить? Єден тото фрас; Замащений ги фрас; Заплатить ти фрас; Мудрый ги фрас; Скуний ги фрас; Ни чорт ни фрас; Студено ги фрас; Якого'сь фраса прийшов?; Якогось фраса вже удумов; До фраса; До фрасовой каріки*. Характерно, что этот словакизм может вступать в вариантные отношения с другими мифологизмами – ср. *Кий фрас го принѣс? – Кий віхор (грѣм, мара) го принѣс?*

Совпадают и артефакты, отпугивающие нечистую силу: крест, ладан для противопоставления силы Божьей, а также представления о внешнем образе черта как существа с рогами, хвостом, копытами.

Стоит назвать паремии, содержащие рассматриваемую концептуальную дихотомию «Бог» – «дьявол», которые построены на принципе антитезы – одного из приемов контраста: *Коли Бог карає, дідько добавляє; Кого Богови не треба, того и чорт не бере; Гадав имити Бога за пазуху, а имив чорта за хвѣст*. В данных примерах компоненты «Бог» – «чѣрт» выступают

в качестве биномов, взаимосвязанных, но диаметрально противопоставленных друг другу.

Как показало наше исследование, специфика русинской фразеологии и паремиологии при сопоставлении с аналогичной украинской и русской проявляется в основном в форме единиц, а не в их содержании, отражающем как правило универсальные паремиологические идеи и дидактические рекомендации. Наблюдается сходство в переосмыслении фразообразующих компонентов в различных

славянских языках. Специфичны также и некоторые варианты русинских пословиц, обнаруживаемые на фоне восточнославянских, а также словацких и чешских параллелей. Наибольшую генетическую близость, естественно, русинские паремии обнаруживают с украинскими пословицами, хотя при этом в целом и настоящее исследование подтверждает выдвинутый нами тезис о межславянском языковом взаимодействии в русинской языковой зоне [3. С. 313–314].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3. С. 119–128.
2. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // Славянская микрофилология / под ред. А.Д. Дуличенко, Мотоки Номати. Sapporo : Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2018. (Slavic Eurasian studies ; no. 34). С. 103–128.
3. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317. DOI: 10.17223/18572685/54/18
4. Гневзк О.В. Изменение семантики лексемы Бог (по материалам современных фразеологических словарей, а также собраний русских пословиц и антипословиц) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 56–61.
5. Крапотина Т.Г. Сокровенные значения имени Бог в русской фразеологии // Наследие акад. Ф.И. Буслаева: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 190-летию со дня рождения ученого (Пенза, 16–18 апреля 2008 г.). Пенза : Изд-во ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2008. С. 179–283.
6. Коряковцева Е.И. Бог шельму метит // Русская речь. 1994. № 1. С. 114–119.
7. Кругликова Л.Е. Ни богу свечка ни черту кочерга // Русская речь. 2008. № 1. С. 110–119.
8. Шведова Н.В. Словарь фразеологизмов с компонентом «Бог». Курган : Изд-во Курганского госуниверситета, 2005. 80 с.
9. Толстой Н.И. Из заметок по славянской демонологии. 2. Каков облик дьявольский? // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. М. : Сов. художник, 1976. С. 288–319.
10. Шведова Н.В. Словарь фразеологизмов с компонентом «черт». Курган : Изд-во Курганского госуниверситета, 2009. 125 с.
11. Владимирова Т.Е. Русский дискурс в межкультурной коммуникации: Экзистенциально-онтологический подход. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2018. 320 с.
12. Голикова М.М. Роль фразем с теонимами и демонимами в раскрытии доминант этноязыкового сознания (на материале русского и польского языков) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 3 (30). С. 86–90.
13. Бредис М.А. Отражение морально-этических норм в паремиях о деньгах и богатстве (на материале русских, латышских, латгальских, литовских, немецких и английских пословиц) // Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы : тр. и материалы междунар. конф. (Казань, 31 окт. – 3 нояб. 2016 г.): в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. Т. 1. С. 68–74.
14. Мокиенко В.М. Славянская фразеология и религия: от политеизма к полифразеологизации // Problemy frazeologii europejskiej II. / Pod red. Andrzej M. Lewickiego i Wojciecha Chlebby. Warszawa : Energeia, 1997. S. 51–66.
15. Поп Д.И. Начало христианизации Подкарпатської Руси і місіонери-угорусини в Києвській Русі // Русин. 2009. № 4. С. 15–22.
16. Суляк С.Г. Начало христианизации Карпато-Днестровской Руси // Русин. 2015. № 4 (42). С. 267–307. DOI: 10.17223/18572685/42/19
17. Дуличенко А.Д. Основы славянской филологии. Opole, 2011. 850 с.
18. Поп Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород, 2011. 241 с.
19. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого : в 5 т. Т. 1: А–Г. М. : Международные отношения, 1995. 584 с.
20. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности : в 2 т. Т. 1: А–О. СПб. : Златоуст, 2014. 592 с.
21. Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. Т. 2: Людина. Родинне життя. Риси характеру. Київ : Наукова думка, 1990. 524 с.
22. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Ок. 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
23. Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. Т. 3: Взаємини між людьми. Київ : Наукова думка, 1991. 440 с.
24. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. М. : Терра, 1994. Т. 1. 792 с.
25. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М. : Международные отношения, 2012. 736 с.
26. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности : в 2 т. Т. 2: П–Я. СПб. : Златоуст, 2014. 592 с.
27. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha : Academia, nakladatelství Československé akademie věd, 1971. 866 s.
28. Slovník slovenských nářečí. Vedecký redaktor Igor Ripka. T. 1. Bratislava : Veda, 1994.
29. Большой словацко-русский словарь. Т. 1 / сост.: V. Dorotjaková, E. Fifiková, M. Filkusová, I. Kothaj, A. Španková. Vedecká redakcia: D. Kollár aj. Bratislava : Vyd. Slovenskej Akadémie vied, 1979. 976 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 августа 2019 г.

The Conceptual Dichotomy “God” – “Devil” in Russian Phraseology and Paroemiology (Against the Slavic Background)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 55–62.

DOI: 10.17223/15617793/447/7

Olga V. Lomakina, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation); St. Tikhon's Orthodox University (Moscow, Russian Federation). E-mail: rusoturisto07@mail.ru

Valeriy M. Mokienko, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: mokienko40@mail.ru

Keywords: paroemiology; proverb; Rusin proverbs; concept “God”; concept “devil”.

The article analyzes the paroemias of the Rusin language “God” – “devil” against the background of Slavic languages. The aim of the article is to present a semantic analysis of the concepts “God” and “Devil” on the basis of the material of the Rusin language,

which, like other East Slavic languages, reflects the general process of movement from polytheism to monotheism and to the opposition under study. In developing the research concept, the works in the field of Rusin phraseology and paroemiology (O.V. Lomakina, V.M. Mokienko, D.I. Pop) and the studies of the theonymous and the demonic in the language (O. Gnevek, M.I. Golikova, E.I. Koryakovtseva, T.G. Krapotina, E.E. Kruglikova, N.I. Tolstoy, N.V. Shvedova) were used. The article analyzes the phraseologisms and paroemias of the Rusin language, extracted by the continuous sampling method from lexicographical sources (N.V. Shvedova's *Dictionary of Phraseological Units with the Component "God"* and *Dictionary of Phraseological Units with the Component "Devil"*; V.M. Mokienko, T.G. Nikitina & E.K. Nikolayeva's *Large Dictionary of Russian Proverbs*; D. Pop's *Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Rusin-Ukrainian Phraseological Dictionaries*; M.M. Pazyak's *Proverbs and Sayings*). Though Slavists' attention to the study of the Rusin language is increasing, some aspects of the language still remain poorly understood. One of the topical problems is the linguistic cultural interpretation of Rusin phraseology and paroemiology against the Slavic background. The authors of the article offer this aspect of research. The article, first in Rusin studies, deals with the comparative analysis of one of the most important linguistic cultural oppositions: the conceptual mythological dichotomy "God" – "Devil". The analysis reveals characteristics common to all the East Slavic area of the chosen mythologems as part of phraseology and specifically Rusin linguoculturally marked features. The study of the phraseology and paroemiology of the theological and demonological circles of a language must be based on historical evidence of the religion of the people. Pop writes that the Slavic people of the Carpathians was one of the first Slavic peoples of Central and Eastern Europe to adopt Christianity. The semantic dominants "God that gifts, endows, gives" and "God that is merciful and just" are mostly presented in the proverbs of the Rusin language. The group of units of demonological semantics in the Rusin language is not numerous, which reflects the common Slavic tradition. When compared with similar Ukrainian and Russian ones, the specificity of Rusin phraseology and paroemiology is manifested mainly in the form of units, not in their content that usually reflects universal paroemiological ideas and didactic recommendations. There is a similarity in the rethinking of phrase-forming components in different Slavic languages. Some variants of Rusin proverbs, found against the background of the East Slavic ones, as well as Slovak and Czech parallels, are also specific. The greatest genetic affinity of Rusin paroemias is found with Ukrainian proverbs; although, in general, the present study confirms the authors' thesis about the inter-Slavic language interaction in the Rusin language zone.

REFERENCES

- Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016) Cognitive potential of Rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages. *Rusin*. 3. pp. 119–128. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/9
- Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Karpatorusinskie somaticheskie paremii na slavyanskom fone [Carpatho-Rusin somatic paroemias against a Slavic background]. In: Dulichenko, A.D. & Motoki Nomati (eds) *Slavyanskaya mikrofilologiya* [Slavic microphilology]. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University. (*Slavic Eurasian Studies*. 34), pp. 103–128.
- Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Value constants of the Rusin paroemiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*. 4 (54), pp. 303–317. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/18
- Gnevek, O.V. (2009) Izmenenie semantiki leksemy Bog (po materialam sovremennykh frazeologicheskikh slovary, a takzhe sobraniy russkikh poslovits i antiposlovits) [Changing the semantics of the lexeme "God" (based on materials of modern phraseological dictionaries, collections of Russian proverbs and anti-proverbs)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2 (24). pp. 56–61.
- Krapotina, T.G. (2008) [Sacred meanings of the name God in Russian phraseology]. *Nasledie akad. F.I. Buslaeva: istoriya i sovremennost'* [Heritage of Academician Fyodor Buslaev: history and modernity]. Proceedings of the International Conference. Penza. 16–18 April 2008. Penza: Penza State University. pp. 179–283. (In Russian).
- Koryakovtseva, E.I. (1994) Bog shel' mu metit [God marks the crook]. *Russkaya rech'*. 1. pp. 114–119.
- Kruglikova, L.E. (2008) Ni bogu svezhka ni chertu kocherga [Neither here nor there]. *Russkaya rech'*. 1. pp. 110–119.
- Shvedova, N.V. (2005) *Slovar' frazeologizmov s komponentom "Bog"* [Dictionary of Phraseological Units with the Component "God"]. Kurgan: Kurgan State University.
- Tolstoy, N.I. (1976) Iz zametok po slavyanskoy demonologii. 2. Kakov oblik d'yavol'skiy? [From notes on Slavic demonology. 2. What is the appearance of the devil?]. In: Danilova, I.E. (ed.) *Narodnaya gravyrura i fol'klor v Rossii XVII–XIX vv.* [Folk engraving and folklore in Russia in the 17th–19th centuries]. Moscow: Sov. khudozhnik. pp. 288–319.
- Shvedova, N.V. (2009) *Slovar' frazeologizmov s komponentom "chert"* [Dictionary of Phraseological Units with the Component "Devil"]. Kurgan: Kurgan.
- Vladimirova, T.E. (2018) *Russkiy diskurs v mezhkul'turnoy kommunikatsii: Ekzistentsial'no-ontologicheskii podkhod* [Russian discourse in intercultural communication: An existential-ontological approach]. 3rd ed. Moscow: LENAND.
- Golikova, M.M. (2018) The role of phrases with theonyms and demonyms to identify the dominant ethno-linguistic consciousness (based on Russian and Polish languages). *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki – Actual Issues of Modern Philology and Journalism*. 3 (30). pp. 86–90. (In Russian).
- Bredis, M.A. (2016) [Reflection of moral and ethical standards in paroemias about money and wealth (based on the material of Russian, Latvian, Lithuanian, German and English proverbs)]. *Nauchnoe nasledie V.A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly* [Scientific heritage of V.A. Bogoroditsky and the modern research vector of the Kazan Linguistic School]. Proceedings of the International Conference. Kazan. 31 October – 3 November 2016. In 2 vols. Vol. 1. Kazan: Kazan State University. pp. 68–74. (In Russian).
- Mokienko, V.M. (1997) Slavyanskaya frazeologiya i religiya: ot politeizma k polifrazeologizatsii [Slavic phraseology and religion: from polytheism to polyphraseologization]. In: Andrzej, M.L. & Chlebny, W. (eds) *Problemy frazeologii europejskiej II*. Warszawa: Energeia. pp. 51–66.
- Pop, D.I. (2009) Nachalo khristianizatsii Podkarpats'koi Rusi i misionery-ugrorynsiny v Kiev's'kyv Rusi [The Beginning of Christianization of Subcarpathian Rus and the Ugrousin Missionaries in Kyiv Rus]. *Rusin*. 4. pp. 15–22.
- Sulyak, S.G. (2015) The beginning of christianization of Carpatho-Dniestrovian Rus'. *Rusin*. 4 (42). pp. 267–307. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/19
- Dulichenko, A.D. (2011) *Osnovy slavyanskoy filologii* [Fundamentals of Slavic Philology]. Opole: Uniwersytet Opolski.
- Pop, D. (2011) *Rusinsko-ukrainsko-russkiy i russko-rusinsko-ukrainskiy frazeologicheskie slovari* [Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Rusin-Ukrainian Phraseological Dictionaries]. Uzhgorod: [s.n.].
- Tolstoy, N.I. (ed.) (1995) *Slavyanskoe drevnost: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Kolesov, V.V., Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014) *Slovar' russkoy mental'nosti: v 2 t.* [A dictionary of Russian mentality: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Zlatoust.
- Pazyak, M.M. (ed.) (1990) *Prisliv'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Vol. 2. Kiev: Naukova dumka.
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits. Ok. 70 000 poslovits* [Large Dictionary of Russian Proverbs. C. 70,000 proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.

23. Pazyak, M.M. (ed.) (1991) *Prisliv'ya ta prikazki* [Proverbs and sayings]. Vol. 3. Kiev: Naukova dumka.
24. Mikhel'son, M.I. (1994) *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoy frazeologii: sbornik obraznykh slov i inoskazaniy: v 2 t.* [Russian thought and speech. Own and Alien. The experience of Russian phraseology: a collection of figurative words and allegories: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Terra.
25. Tolstoy, N.I. (ed.) (2012) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary: in 5 vols]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
26. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014) *Slovar' russkoy mental'nosti: v 2 t.* [A dictionary of Russian mentality: in 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Zlatoust.
27. Machek, V. (1971) *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha: Academia, nakladatelství Československé akademie věd.
28. Ripka, I. (ed.) (1994) *Slovník slovenských nářečí*. Vol. 1. Bratislava: Veda.
29. Dorotjaková, V. et al. (1979) *Bol'shoy slovatsko-russkiy slovar'* [A large Slovak-Russian dictionary]. Vol. 1. Bratislava: Vyd. Slovenskej Akadémie vied.

Received: 07 August 2019